

Пролог

«Шшш, ты не дёргайся, не дёргайся, всё закончилось уже. Теперь только говорить».

Уж конечно. И давно ли?

«Сам будто не знаешь. Знаешь-знаешь. И я знаю. Только рассказывать всё равно придётся, такие здесь порядки».

Где — здесь?

Шаман сипло расхохотался, и от него пахнуло гнилым мясом; сунулся прямо в лицо своей красной восьмиглазой рожей и осклабился.

«Помер ты. Теперь — рассказывай, чего натворил, мертвяк».

Мертвяк фыркнул бы, но не чуял тела — ни рук, ни ног, ни губ. Чуял только запах: тяжёлый, кровавый, и ещё чего-то тошнотворно-сладкого — и видел на потолке узоры из человеческого мяса, из костей и травы.

Да ничего мы пока не натворили, расслабься. Собираем силы.

Кишки на потолке затряслись от шаманьего ехидного смеха.

«Забыл, что ли? Вспоминай давай и рассказывай, мне спешить некуда».

Ничего я не забыл. Хотя глюк красивый, конечно, такого со мной раньше не было. Не соврала Врата, когда угощала.

А ты продолжай, зверушка.

Шаман радостно запрыгал, шурша травяной юбкой и надетым поверх линий-разводов на теле плетёным наплечником — как у настоящего головы гэбни, разве что длиной до локтя. От его немойтой башки воняло, как от склада контрабанды.

«Думаешь, это всё не по-настоящему? Думаешь, ещё живой?»

Зачем мне думать, я и так знаю.

Понудив пятернёй в одной из своих мисок, шаман вытащил нечто липкое и свесил прямо перед мертвяком, капая ему на лицо. Какой-то внутренний орган — печень, кажется, хотя вне тела все они — просто куски мяса.

«Твоя, твоя, не сомневайся».

Докажи.

Шаман покачал головой, как доктор, которому не сладить с упрямым пациентом, и снова пропал из поля зрения — копаться в потрохах. Через полминуты вернулся, гордо демонстрируя на ладони два игрушечных белых шарика; продают такие, вертеть в руках и успокаиваться.

Два игрушечных белых глазных яблока.

«Думаешь, не твои? Смотри, сам попросил».

И сжал кулак.

Весь свет — и без того тусклый и мутный — ухнул куда-то. У мертвяка кольнуло несуществующее сердце. Он попробовал похлопать веками — вверх-вниз — но ничего не менялось.

Мертвяк ослеп.

Поаккуратнее тут!

Шаман захихикал.

«Все вы, мёртвенькие, не верите, все сперва артачитесь, только вам же от этого хуже. Ты когда всё вспомнишь, всё расскажешь, думаешь, оно и закончится? Шиш тебе. Обернёшься — и будем говорить ещё раз, и ещё раз, и ещё дюжину, дюжину на дюжине, дюжину дюжин раз. А наговоришься со мной — пойдёшь к следующему, нас в Загробной гэбне четверо, как полагается. И со следующим тоже дюжину дюжин раз, и с третьим, и только после четвертого упокоишься. Так что говори быстрее, вспоминай, а то застрянешь на всю вечность — а мне охота разве с тобой маяться».

А что говорить, что вспоминать? Мы не сделали ничего. Собирались — не успели. Надо было навести порядок, а воевать запрещено — вот мы и придумали, как всех перехитрить.

Болезнь, отравы — это не так и страшно, если лекарство заранее припасти. Кому-то придётся, конечно, немного помучиться — но это ничего, мелочь, мы успеем всех вылечить. Нам только и надо — припугнуть малость. Самую толику — разве больше одного дома потребно? Показать, что бывает, когда не за своё дело берутся. Ты подумай, зверушка: а если болезнь сама собой случится, без нас и без лекарства? Что от города останется? Вот и я думаю, нечего ждать. Это просто наглядная демонстрация. Настоящая, конечно, в ненастоящую

кто поверит. Всё путём, смертельная болезнь. Только от неё никто не умрёт.

«Не умрёт уже, некому больше. Померли все и так».

И шаман хихикал, хихикал и шуршал своей юбкой, чавкал, ковыряясь в потрохах.

«Не веришь? Не хочешь вспоминать? Не нравится?»

Не верю, не нравится. Мы, может, и делали дурное — нет, не так; мы знаем, что делали дурное, и именно это даёт нам право действовать. Незачем прикидываться беленькими, когда время замараться. Те, с которыми мы воюем, — не лучше ничуть, только боятся сказать себе, во что ввязались, боятся признать, чего это всё стоит.

«Ты не юли, на других стрелки не переводи. Другим другой черёд придёт, а сейчас с тобой разговор ведём. Допрос, ежели по-гэбенному. Так что ты подумай сам, подумай — виноват-то кто?»

Не я. Я всегда знал, на что иду. Если теперь мне за содеянное кишками расплачиваться — пусть так, я знал, с самого начала знал; но не содеяно ещё ничего, не могло быть, не могли умирать от болезни, пусть и смертельной. Лекарство — есть, было. Должно было быть.

«Глупый ты, мертвяк. Но это ничего, поумнеешь. От смерти все умнеют, деваться некуда. Ты рубаху-то не рви, ты головой подумай: неужто у вас всё схвачено было?»

Было, а то как же не было. Столько времени готовились, всё проверили, отыскивали болезнь, отыскивали людей, время тоже отыскивали. Если всё равно пошло криво — так суди нас всех, разбирай на части, только дело наше было правое. Дурное, но правое.

«Всех судить — не пересудишься. После смерти всех нету, есть только ты и твои разговоры — за себя наперёд и говори, про всех успеется. Самому тебе оно зачем надо было?»

Мертвяк не слышал — смеётся ли, говорит ли, — но надеялся, что смеётся. Глупый ты, зверушка восьмиглазая, хоть и нацепил наплечник. Это наш город, наша земля; те, с которыми мы воюем, пришли и отобрали. Мы что же, терпеть должны? И мы, и они — все под одним мечом ходим, только мы его видим, а они залепили глаза и в ус не дуют, творят, что им нравится; они думают, Бедроград — игрушка их,

подарочек праздничный. Сколько нам ждать ещё — год, два, сорок — пока не разверзнется земля, пока сама собой не случится беда?

Беду надо седлать и ехать. Нам, не им. Мы лучше умеем.

«Умеете, а в седле не удержались. Она вас сама оседлала».

Она — болезнь, она — смерть, она — просто научный факт, социальный фактор, катастрофа на клеточном уровне, ерунда на человеческом.

«Она — чума».

Она чума, да не та чума, ненастоящая; чумой в народе называют всякую болезнь, от которой умирают. Та чума тут ни при чём, зверушка ты узколобая.

«Любая болезнь — та чума».

А если бы и та — ну и что с того? Никто не пострадает — никто не пострадал, мы всех защитим — защитили. Мы нужны, чтобы защищать. Степная чума — не древнее подземное зло, не исполненное ненависти чудище; это просто болезнь, просто страшная болезнь, просто медицинский эксцесс. И это была не она, это был вирус, стерильный вирус из пробирки; и не могло из него выйти ничего дурного, мы всё сделали правильно, мы справились, мы сберегли город.

А если бы и не сберегли — ну и что с того? Всё равно иначе никак, и кто ты такой, чтобы спрашивать, допрашивать, указывать, прав я или нет? Это я допрашиваю, это я решаю, как правильно; никто больше не станет, никто не берёт на себя этот груз. Мертвяк ударил бы кулаком по столу-алтарю, на котором лежал, только не было кулака, и ничего не было, одна тьма, и в ней — шлёпанье босых шаманских ног.

«С-с-совесть заела? И правильно ест, поделом тебе. Это ж ты всё придумал, а кому платить — считать не стал, какое тебе дело».

Я придумал? Нет, не я; мы.

Мы придумали, мы сделали, нашим кишкам и по ветру болтаться. И не жалею я, нисколько не жалею себя, не жалею тех, кто платил; жалею лишь, что дело не сделалось, что всё впустую вышло. Пусть бы даже они победили, так бывает; но если одни только смерть и страх, и ничего больше, то, выходит, — зря, зря, всё зря, все — зрячие, слепые — в одну кучу, а должно быть не так, должно быть ясно, кто, где и зачем.

«Ты ш-ш-что ж думаешь-ш-шь, тут и впрямь — победить можно?»

Победить можно, всегда можно — или рассыпаться костями по алтарю, пытаясь. Но если не воевать, так и будет — одна куча, и никто в конце не разберёт правого и виноватого, не станет разбирать. Может, я и умер уже, неважно; значит, другим, живым — надо воевать, и надо побеждать, ибо —

Если не побеждать, то зачем тогда жить?